

«Поет Елена Камбуrowa. А значит—обождут срочные дела, потерпят неразрешенные проблемы, перенесутся назначенные визиты. Все это, если разобраться, не столь существенно. А три часа с Камбуrowой — именины сердца. Я не взялась бы с дотошностью критиков, со знанием профессионалов объяснять феномен Камбуrowой, разбирать ее творчество. Я слишком ее люблю, чтобы быть объективной. От многих кумиров и идолов со временем отрекаешься, сбрасываешь их с пьедестала, разочаровываешься. Но не помню, чтобы такие «номера» проходили в отношении Камбуrowой. Обычно для тех, кто однажды попал в поле ее притяжения, она становится «вечной любовью». Ей трудно изменить, ибо сама она, даже меняясь, всегда оставалась верной тебе в минуты печали, неудач, потери, отчаяния. Ее голос врачует. На концертах Елены Камбуrowой из повседневности с ее злобой, неразумностью, фальшью попадаешь в другое измерение, где мысль, чувства, жест — свежи и красивы.

Для разговора с Еленой Камбуrowой я заготовила массу самых разных вопросов. Мечтала поговорить с ней неслепно, не поглядывая на часы. В недавний двухдневный визит в Минск это оказалось невозможным. И все же даже краткое и спешное общение с артисткой, скажу не кривя душой, — редкое удовольствие. Думаю, не для меня одной...

Елена КАМБУРОВА:

«Жажду встретить родственную душу»

— Елена Антоновна, вы довольно часто появляетесь в Минске. За что вы жалуете наш город?

— Он в одном ряду — Киев, Ленинград... — любимых моих городов. Тут у меня свой зритель, друзья, число которых, к великому сожалению, в последнее время резко убавилось...

— Творческая интеллигенция активно покидает нашу страну. Возникло ли такое желание у вас?

— Я прекрасно понимаю наших эмигрантов. Как, скажите, сегодня в этой стране жить музыканту? Нет востребованности в нем. Что до меня... Я полностью отдаю себе отчет, что мой зритель — это капля в море. Но капля очень дорогая, эмоционально насыщенная, духовно богатая. Понимаете, там, на Западе, нет биографии отношений, а здесь она есть. Многолетние отношения ничем не заменишь. Боюсь, мне поздно думать о выезде. Но попутешествовать, познакомиться с разным зрителем важно.

— Вы недавно вернулись из гастролей по ФРГ, Англии. Какое впечатление от этих поездок?

— Думаю, везде, где есть

элементарная нравственность, доброта, всегда найдется зритель, которому близко и интересно то, что я исполняю. Ни в Англии, ни в ФРГ языкового барьера я не ощущала. Артиста со зрителем соединяет интонация, общая культура. На фестивале культуры Востока в Германии аудитория была в основном молодежная. И что замечательно — она очень легко переключалась с серьезных, сложных вещей на чисто развлекательные, эстрадные шоу. У нас же огромная часть молодежи настроена только на рок-музыку. Чутье, восприятие чего-то иного у них, кажется, попросту атрофировано.

— Елена Антоновна, авторская песня даже в самые мрачные времена удерживала свое пространство, своего зрителя, отстаивала свой суверенитет. Теперь на все это вроде бы никто и не посягает. А какая-то очень высокая нота в творчестве самостоятельных авторов, похоже, исчезает. Что, по-вашему, происходит?

— Творчество бардов — очень мощное движение, во многом именно благодаря ему слово в песне еще не «вымерло» окончательно. И досадно, что последнее время на

фестивалях авторской песни, в отдельных выступлениях преобладает слишком бытовленная, что ли, интонация. Получается та же эстрада, только менее громко. Поэтов-песенников масштаба Б. Окуджавы, Ю. Кима, А. Галича сегодня что-то не заметно.

— Творчество Юрия Кима, по-видимому, — одна из ваших сильнейших и постоянных привязанностей. Чем оно вам близко?

— Стихи Кима я давно люблю, это правда. В песне он, как никто, быть может, из бардов, музыкантов, театрален. Он из тех, для кого весь мир — театр. Не заразиться им чрезвычайно трудно. Особенно, когда настроен на театральный лад. А я на него настроена.

— В качестве отличительной личностной черты Камбуrowой обычно отмечают редкую работоспособность, завидную

так ценю. Одна из любимейших, дорогих книг — «Игра в бисер» Германа Гессе. Вот в таком, как у Гессе, духовном климате мне хотелось бы существовать...

— Елена Антоновна, известно о вашей дружбе с великой Фаиной Раневской. Чем вы обязаны знакомству с ней?

— Общение с неординарной личностью всегда драгоценно тем, что прибавляет к твоей собственной творческой памяти память другого человека. А у Раневской эта память была колоссальной. Фаина Раневская обладала той невероятной силой обаяния, которая очень редко встречается. Мне жаль, что не сумела пока сфокусировать свой опыт общения с ней, написать об этом. Раневскую уже начинают забывать. Снимали ее не по таланту мало. Спектакли с ее участием живы лишь в памяти тех, кто

творческую неутомимость. Нескольких новых программ за год — кажется, ваша обязательная норма. Что вас, Елена Антоновна, вдохновляет, поддерживает в неудачах, не дает опускать руки, несмотря на помехи и козни, коих, вероятно, на вашем пути доставало?

— Во-первых, у меня к себе другой, нежели у доброжелателей, счет. Я не успеваю осуществлять половину из задуманного и желанного. А поддерживает то, что и словом одним не назовешь. Даже в отчаянии что-то подталкивает к творчеству. Когда видишь, как жестоко в этой стране разрушается культура, то уже из чувства протеста хочется делать дело. И чем больше мешают, тем отчаяннее сопротивляешься. Каждое выступление на сцене связано с жаждой и надеждой встретить родственную душу, человека твоего духовного климата. Очень часто чувствую себя словно в пустыне, внутренним эмигрантом в своей стране.

— А кто из великих ваш спутник и врачеватель?

— Марина Цветаева. Она среди других действительно особняком. Грустно, но в моих песнях на ее стихи нет цветаевской мощи, которую я

их видел. Рукописи же своих воспоминаний Раневская разорвала. Объясняла так: «Я слишком много знаю. Или писать все, или не писать вовсе»...

— Вопрос банальный, но, право же, любопытно, что вы пожелаете читателю молодежной газеты «Знамя юности»?

— Увидеть мир во всем красочном его многообразии. Когда угол зрения предельно узок, особенно в познании мира искусства, уродливо ограничен и духовный мир личности. Через искусство познается смысл, сущность жизни. Дай Бог, чтобы в этой стране духовность возродилась не в лозунгах, не в декларациях, а по сути своей. Сегодня у меня самые грустные размышления по этому поводу.

От духовного голода в своем времени всегда спасет погружение в вечность. Тогда все воспринимаешь иначе, философски начинаешь относиться ко многим вещам. Кроме того, есть просто радость одаривать другого человека дружбой, пониманием, нежностью. Главное — не заблудиться в нынешнем окружающем хаосе. А ориентир — культура, вечные ценности.

Беседовала
Ольга ПОКЛОНСКАЯ.